

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья Александрова

ЛАМПА ПАЛАДИНА

Благородный
рыцарь находит
волшебную лампу,
которая, по легенде,
принадлежала великому
царю Соломону...

Наталья Николаевна Александрова

Лампа паладина

Серия «Артефакт & Детектив»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69921559
ISBN 978-5-04-195006-4

Аннотация

Благородный рыцарь Ги Де Кортине во время своего путешествия находит удивительную лампу, которая, по легенде, принадлежала великому царю Соломону. Благодаря чудесному артефакту рыцарь выживает в самых тяжелых ситуациях. Однако за волшебной лампой охотятся загадочные люди.

В наше время Марианна случайно находит старинную, на первый взгляд бесполезную закопченную лампу. Она не догадывается, что в ее руках магический предмет, который позволит ей избежать смерти и спасти людей. Но о мистических свойствах уже прознал какой-то незнакомец и начал преследовать девушку...

Наталья Александрова

Лампа паладина

Редактор серии Е. Ирмеш

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

© Александрова Н. Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

– Постой, молодая-красивая!

Я очнулась оттого, что в мой локоть вцепилась дородная цыганка в пестрой шали. Сверкая золотым зубом, она сыпала словами:

– Богатая будешь, счастливая будешь, мужа найдешь красивого! Только позолоти мне ручку, все у тебя будет!

Я попыталась вырваться – но она держала крепко, как бультерьер.

Ну что это такое!

Я оглянулась. Вокруг текла толпа, человеческая река. Все спешили по своим делам, и никому не было до меня дела.

Ну почему эта цыганка выбрала именно меня? Вон вокруг сколько людей, мужчин и женщин! Чтобы ей золотить руку. А мне нечем! Поищите другую дуру!

– Зря ты так говоришь! – обиженным голосом пробасила цыганка. – Нехорошо меня обманывать! Есть у тебя деньги, посмотри! – И она хозяйским жестом расстегнула мою сумку.

– Да что же это такое! – вскрикнула я, пытаюсь защитить сумку и в то же время прижимая локтем пакет с вазой. – Помогите кто-нибудь!

Никто меня не слышал, а цыганка уже запустила руку в сумку и вытащила оттуда монету. Странную монету, которой там не было, которую я никогда прежде не видела.

– Как же ты говоришь, что у тебя нет денег, когда вот же у тебя, целая тетрадрахма!

Она продемонстрировала мне монету – на ней был выбит какой-то бородатый мужчина в шлеме с гребнем, а вокруг змеились незнакомые буквы.

– Тетрадрахма византийского императора Алексея Ангела! – значительным тоном сообщила цыганка.

Это было какое-то безумие. Я уже перестала понимать, на каком свете нахожусь.

– Я эту монету себе возьму! – удовлетворенно провозгласила цыганка и опустила монету в бездонный карман.

И тут же отпустила меня.

И растворилась в толпе, как будто ее никогда и не было.

Я перевела дыхание.

Кажется, все закончилось относительно благополучно. Пакет со злополучной вазой (уникальная, ручной работы) я прижимала к груди. Денег цыганка у меня не вытянула по простой причине – их у меня не было.

У этих цыганок глаз наметанный, сразу небось поняла, что кошелек пустой. А та странная монета?

Да я ее первый раз видела! Наверняка сама цыганка и подложила ее в мою сумку. Только вот зачем?

Я на всякий случай перебрала содержимое сумки.

Все вроде на месте – проездной билет, читательский, расческа, тюбик гигиенической помады...

Совершенно непонятная история.

А может, ничего этого и не было? Никакой цыганки, никакой старинной монеты... То есть цыганка, наверно, была, а все остальное мне показалось. Говорят же – цыганский гипноз.

Главное, ничего не рассказывать маме – иначе она снова начнет проводить со мной воспитательную работу, как она это называет...

Нужно быть внимательной и осторожной, следить за своими вещами, не разговаривать с посторонними людьми на улице, не зевать по сторонам, смотреть под ноги и так далее. Такое слышала я от нее лет с пяти и до сегодняшнего дня. Что ж, заметила мама, когда я указала ей на этот факт, если бы ты выполняла все мои инструкции, я не стала бы тебя

воспитывать.

Я перехватила поудобнее тяжелый пакет с вазой и свернула в переулок, чтобы сократить путь к дому.

Лифт не работал, так что когда я поднялась на шестой этаж, то начала задыхаться. Странно, обычно я сначала заливаюсь слезами, потом кашляю со всхлипами, а уж потом задыхаюсь. То есть вы поняли, что я страдаю чем-то вроде аллергии.

Должна сказать, что аллергия, несмотря на относительно-безопасность для здоровья, способна здорово испортить человеку жизнь. Ну, в смысле безопасности, я не имею в виду, конечно, отек Квинке (у меня его, слава богу, никогда не было), а от слез и насморка еще никто не умирал.

Но вместе с тем тот, кто испытал на себе чувство полной беспомощности, когда, к примеру, на собеседовании по поводу работы вместо того, чтобы отвечать на вопросы, вы начинаете судорожно сморкаться и вытирать влагу, обильно текущую из глаз, и ловите на себе брезгливые взгляды человека, сидящего напротив, и понимаете уже, что собеседование ничего не даст, что вас никуда не возьмут и в лучшем случае не станут хамить; так вот, тот, кто испытал такое, меня поймет.

У нашей двери я приноухалась. Вроде бы ничем не пахнет, мама знает все мои проблемы и старается не употреблять неизвестные приправы и не покупает новые моющие сред-

ства.

Нет, нужно немедленно взять себя в руки, сегодня очень важный вечер. То есть что это я, не то чтобы важный, а радостный для меня. Потому что сегодня я увижу Славку. То есть Славика, Славочку, дорогого моего друга юности.

Как официально звучит – друг юности, прямо как в старых фильмах. На самом деле все проще. Мама с Ольгой Павловной, а в детстве я звала ее тетей Олей, дружили еще со школьной скамьи (вот не понимаю, при чем тут скамья, когда в школе вовсе даже парты). И, соответственно, мы со Славиком тоже общались.

То есть общались-то мы втроем – я, он и Анька. Но Анька старше нас на пять лет, поэтому все время выделялась и фыркала. Поэтому мы со Славиком подписали соглашение, в котором обязались дружить до гроба против Аньки. Она ужасно была вредная.

Анька – это моя старшая сестра, точнее единоутробная, у нас разные отцы. Моя мама два раза была замужем, но все, по ее собственному выражению, неудачно. Сейчас сестра живет отдельно с мужем, и скажу сразу, мне без нее гораздо легче. Все было бы прекрасно, если бы мама... но об этом после.

Итак, я перехватила неудобный пакет, поискала в сумке ключи, и тут мама сама открыла дверь, очевидно, высмотрела меня в окно.

– Тебя только за смертью посылать! – сердито сказала она. – Жду-жду, уже все сроки прошли. Где тебя носит?

– Пробки, – вздохнула я, – весь город стоит. Народу в транспорте ужас сколько, так меня затолкали...

– Не жалуйся! – строго сказала мама. – Женщина, которая с самых первых слов начинает жаловаться, никогда ничего не достигнет в личной жизни.

Забыла сказать, что мама моя – женщина увлекающаяся. То есть сама себя она таковой не считает, она думает, что она волевая, целеустремленная и решительная. Так вот, мама озабочена моим одиночеством. Как это так, говорит она, тебе почти тридцать лет, а у тебя никого нет... Да я в твои годы уже Аню родила.

Но поскольку у нее все же хватает ума не доверять интернету, то она пытается искать по знакомым. Слава богу, мама очень разборчива, так что никого подходящего не подворачивается, в противном случае я уж и не знаю что делала бы.

Знакомых у мамы, конечно, много, хоть она оставила работу и теперь на пенсии. Но до нее все же дошло, что методы, которые были актуальны в девятнадцатом веке, спустя два столетия не работают.

Ну, во-первых, я была против хождения в гости к полужнакомым людям, а также против походов в театр и на концерты. Не то чтобы я не люблю театр, но как-то это все...

Ну и, конечно, те мужчины, с которыми меня пытались знакомить... Мама называла их молодыми людьми, хотя далеко не все они были молодыми, одному, к примеру, было уже прилично за сорок. Этого пыталась пристроить его сест-

ра, к которой он явился жить после развода со второй женой.

Так вот, относительно нормальные мужчины, естественно, тоже были против, а те, кто соглашался, оказывались уж такими откровенными козлами, что и не описать. Несмотря на мое активное и упорное сопротивление, маме иногда удавалось меня затащить на такие, с позволения сказать, свидания не мытьем, так катаньем. Как вы понимаете, ничего из этого не вышло.

Мама, однако, не смогла реально взглянуть на вещи, то есть признать, что ничего она не добьется, и оставить дочь в покое. Нет, она решила, что дело во мне, и принялась меня воспитывать с новой силой.

Энергии у нее было хоть отбавляй, так что спастись от нее можно было только на работе. Там тоже все было непросто, но об этом после.

– Принесла? – осведомилась мама, принимая у меня из рук тяжелый пакет. – Ту самую вазу, о которой я говорила? Ничего не перепутала, как всегда?

– Сама посмотри! – Я наклонилась расшнуровать ботинки, и хорошо, что мама не видела моего лица.

Эта ваза уже мне осточертела.

Мама вбила себе в голову, что мы должны подарить ее подруге что-то оригинальное. И приглядела в одной галерее стеклянную вазу авторской ручной работы. То, что это именно ваза, она поняла только из многословных пояснений сотрудницы галереи. На самом деле это было что-то перекру-

ченное, переливающееся и жутко тяжелое. И вот эту самую красоту я тащила через полгорода на общественном транспорте, чуть руки не вывернула.

Мама отнесла пакет на кухню и поставила на стол. Я по-тащилась за ней. Глядя, как она вынимает из пакета вазу, я забеспокоилась.

Дело в том, что вазу в галерее завернули в плотную коричневую бумагу и проложили внутри чем-то мягким. А то, что находилось в руках у мамы, было завернуто в газеты. Много газет, и все старые, выцветшие и кое-где даже рваные.

Душу кольнуло нехорошее предчувствие, но было уже поздно, потому что мама живо размотала газеты и ахнула.

И было отчего, поскольку вместо стеклянной вазы (авторская работа, непомерные деньги) на столе лежало что-то вроде помятого кувшина с длинным носиком. Кувшин (если это, конечно, был кувшин) был темный, грязный и, насколько я могу судить, вовсе не стеклянный, а из непонятного позеленевшего металла.

Не помню, говорила я или нет, что кроме аллергии, которая накатывает на меня в самый неподходящий момент, я тугодум. Если выразиться точнее, то я – тугодум только в экстренных ситуациях. Вот случится что-нибудь неординарное, а я, вместо того чтобы сразу среагировать, впадаю в ступор. То есть реакция в сложных ситуациях у меня плоховата.

В данный момент я, как обычно, окаменела на месте и только пялилась на эту жуть, выглядывающую из газет.

– Что это? – страшным голосом спросила мама, повернувшись ко мне всем корпусом.

И, поскольку я молчала, потому что язык прилип к гортани, мама добавила в голос децибелов:

– Что это за гадость, я тебя спрашиваю? Что ты притащила? Отвечай, не стой столбом!

Ну, можно было бы все отрицать. То есть твердить, что понятия не имею, что это, что мне завернули в той галерее, то я и принесла. Время позднее, галерея закрыта небось, да нам все равно нужно идти на день рождения. Так что разбирательство автоматически переносится на завтра, а завтра, как говорится в одном фильме, будет завтра. То есть до завтра еще нужно дожить.

Но вы не знаете мою маму. Нервы у нее гораздо крепче моих, она не купилась бы на мое отрицание и выбила бы признание минут через двадцать. Так что у меня не было шансов.

– Ты можешь внятно объяснить, что случилось? – Теперь мама стояла напротив меня и смотрела прямо в душу, и глаза ее напоминали дула пистолета.

– Цы-цыганка... – неуверенно пробормотала я, – да нет, не может быть, я же все время держала пакет крепко...

– Ты? – Тут же взвилась мама. – Да ты голову свою крепко держать не можешь! Ну какая еще цыганка?

Пришлось рассказать ей все в подробностях – как меня остановила цыганка, схватила за руку, заговорила зубы, нес-

ла какую-то чушь и зачем-то подменила пакет. Но зачем она это сделала, я не понимаю, наверно, думала, что у меня там, в пакете, что-то ценное...

– А как же! – вставила мама деревянным голосом. – Цыганки, они сразу видят, какую дуру легче всего обработать.

Вряд ли цыганка посчитала найденную в пакете вазу чем-то ценным, тут же подумала я, но благоразумно промолчала. Мама между тем набирала обороты.

– Господи! – воскликнула она, театрально воздев руки к потолку. – За какие грехи ты послал мне эту тетеху и растелепу? Ну взрослая же баба, тридцать лет скоро, а попалась в элементарную ловушку. Да про этих цыганок я, сколько себя помню, слышала, что как увидишь их – так нужно бежать, ни в какие разговоры с ними не вступать, вообще не оставливаться!

Ага, подумала я, куда бы я побежала, если вокруг толпа, а цыганка эта вцепилась в меня как клещ?

– Ну ничего, ничего нельзя доверять! – горестно причитала мама. – Ну элементарную вещь и то не может сделать! Нет, нужно было самой съездить в эту галерею.

Вот и съездила бы утром, когда народу в транспорте поменьше, и забрала бы сама эту чертову вазу, тут же подумала я, но вслух, разумеется, ничего не сказала, удержалась в последний момент.

Но мама, очевидно, что-то почувствовала, потому что посмотрела на меня сердито и ушла в свою комнату, хлопнув

дверью, бросив напоследок, чтобы я выбросила эту гадость, потому что ей самой и прикасаться к ней противно.

Я тяжело вздохнула и подошла к столу с намерением выполнить мамин приказ. Но когда взяла в руки этот странный предмет с носиком, до меня вдруг дошло, что это лампа. Старинная медная лампа, такую в мультике про Аладдина я в детстве видела. Туда еще масло наливают... Ну, эта-то уж, наверно, светить не может по причине сверхпреклонного возраста...

Тем не менее я не стала выбрасывать лампу, а завернула ее снова в старые газеты и отнесла в свою комнату. А там засунула под диван, в самый дальний угол.

А когда вышла, то застала в прихожей маму при полном параде, она убирала в сумку красивую коробку.

– Вот, – сказала она, – все из-за тебя. Теперь придется подарить Ольге духи. Французские, еще коробка не распечатана. Мне Николай Сергеевич подарил.

– Кто такой Николай Сергеевич? – удивилась я.

– Ах, неважно, неважно! – плачущим голосом сказала мама и с грустью посмотрела на духи.

Затем повернулась ко мне и сказала:

– Имей в виду, ты никуда не пойдешь! Ты наказана!

– Мам, ну что за тон! – не выдержала я. – Мне же не пять лет, ты еще бы в угол меня поставила!

– А что мне еще остается? – вздохнула мама. – Если ты ведешь себя как пятилетний ребенок. Ну собирайся быстрее,

я ждать не буду.

Тут я представила, как буду носиться по квартире в поисках то одного, то другого, а мама будет подгонять меня, прохаживаясь насчет моей неловкости и неумелости. Накрашусь я кое-как, волосы не успею уложить, ведь у меня же не было целого дня, как у мамы.

В общем, платье окажется мятым и некогда будет его гладить, так что я надену брюки и шелковую блузку, от которой у меня почему-то чешется все тело. И все равно мы опоздаем, и тетя Оля, открыв нам дверь, попеняет маме вполголоса, а мама тут же все свалит на меня.

Про лампу она, конечно, не станет рассказывать, скажет, что я долго собиралась. И тетя Оля с трудом скроет удивление, увидев меня в таком виде. Ясно же, что такой прикид соорудить можно минут за десять. Но тем не менее она чмокнет меня в щеку и шепнет, что я настоящая красавица. Все это она говорит при каждой встрече, как говорят ребенку. А потом мы пойдем в комнату, где за столом будет сидеть их обычная компания немолодых людей, которые знают друг друга давно и ничего нового сказать друг другу не могут.

В сущности, может быть, им и не надо, просто встречаются, чтобы посмотреть друг на друга, но я-то тут при чем?

Ах да, Славик... Возможно, нам со Славиком удастся поговорить, хотя вряд ли. Славик вернулся в наш город недавно, и все эти дамы, несомненно, захотят его расспросить. И вообще, мы не виделись лет десять, так что хорошо бы по-

общаться с ним в более спокойной обстановке.

– Знаешь... я, пожалуй, не пойду, – нерешительно начала я. – Иди без меня.

– Что-о? – изумилась мама. – Слушай, не время сейчас капризничать! Быстро собирайся, не тяни резину, – она постучала по часикам.

– Я не пойду! – твердо повторила я. – Я устала и никуда не хочу идти. Тете Оле передай от меня поздравления.

– Но что я ей скажу? – теперь мама растерялась. – Ведь она звала тебя специально, чтобы вы пообщались со Славиком...

– Скажи, что я заболела, умерла и уехала на Дальний Восток! – рявкнула я. – Все, вопрос закрыт!

Вот сама не ожидала от себя таких слов, никогда раньше я так с мамой не разговаривала. Очевидно, мама тоже удивилась и не стала меня уговаривать.

Она поджала губы, молча вошла в туфли и ушла, не сказав мне ни слова.

Я заперла за ней дверь и вернулась в комнату. Делать было решительно нечего, тем более накатил вдруг и правда какая-то усталость, даже лень было поставить чайник. К тому же в душе был неприятный осадок. Было стыдно за то, что дала себя обмануть какой-то цыганке. Так что мама и тут права: я доверчивая растяпа и больше никто.

Чтобы успокоиться, я взяла с полки первую попавшуюся книгу. Это оказался «Грозовой перевал».

Не самое лучшее чтение для успокоения нервов, но луч-

ше, чем ничего...

Однако не успела я прочесть и полстраницы, как свет в комнате мигнул и погас. Я вышла в коридор, чтобы проверить предохранители.

Вроде все было в порядке. Тогда я на ощупь открыла дверь и выглянула на лестницу. Там было темно, как в преисподней, только снизу доносились ругательства и собачий лай.

Значит, дело плохо – свет погас не только в нашей квартире, но и во всем доме...

Выглянув в окно, я убедилась, что света нет и в соседнем корпусе.

Свет у нас отключался довольно часто, и на такой случай мы держали в кухонном шкафчике пару свечей.

Я заглянула в шкафчик...

Свечей не было.

Как же так? Я помнила, что покупала их... Небось мама куда-то их переложила, но как теперь найдешь в такой темноте...

В общем, разбираться нет смысла, нужно думать, что делать, чтобы не блуждать по темной квартире. Если использовать подсветку телефона, его заряда хватит ненадолго... Ну да, скоро он совсем разрядится.

Тут я вспомнила про ту лампу, которую подсунула мне злополучная цыганка. Ведь это лампа, светильник, значит, она худо-бедно должна давать свет. Конечно, это каменный

век, но лучше хоть такой светильник, чем никакого!

Я поставила лампу на стол, достала коробок спичек, чиркнула одну спичку, и тут сообразила, что сперва нужно налить в лампу какое-нибудь масло. Интересно, подойдет ли оливковое?

Все же я машинально поднесла огонек спички к носику лампы, и – о чудо! – фитилек загорелся, и комнату наполнил слабый, колеблющийся свет.

По стенам поплыли причудливые тени – в них можно было при некоторой доле фантазии разглядеть лошадей, верблюдов, всадников в блестящих доспехах...

В то же время комната наполнилась незнакомым, экзотическим ароматом. Ароматом южной ночи, волшебных цветов, дальних странствий...

От этого аромата у меня закружилась голова... Я успела еще подумать, что нужно погасить лампу, потому что у меня может быть аллергия на этот странный запах, но мысль эта уплыла вместе с дымом.

Я была уже не в собственной маленькой квартире, а на солнечной летней улице. Мы с мамой садились в рейсовый автобус. Мама что-то мне говорила, но я не слышала слов. Мы вошли через переднюю дверь, и я отчетливо увидела водителя – лысого дядьку с большими волосатыми руками. Перед ним над приборной доской покачивалась подвешенная на шнурке игрушка – маленький плюшевый медвежонок... медвежонок в забавной клетчатой шапочке...

Почему-то при виде этого медвежонка на меня накатила тяжелая тоска. Тоска и страх.

Кадр сменился. Теперь мы ехали в автобусе по пригородному шоссе, под выцветшим от зноя летним небом. Мы сидели на переднем месте, мама всегда говорила, что они самые удобные, на них меньше укачивает.

Мама снова что-то мне говорила – но я опять не слышала слов...

И смотрела я не на маму, а на водителя.

Он одной рукой придерживал руль, а другой прижимал к уху мобильный телефон.

И снова на меня накатила тоскливый, удушливый страх...

Я перевела взгляд на дорогу...

И вдруг увидела перед нашим автобусом стремительно приближающуюся фуру.

Фура шла по встречной полосе, но вдруг ее резко повело в нашу сторону.

Я хотела закричать...

Но крик застрял в моем горле.

Фура и автобус неумолимо сближались...

И кадр снова сменился.

Весь мир был сейчас какой-то странный, неправильный.

Небо, то самое вылинявшее летнее небо, полоскалось где-то внизу, под ногами. А сверху была земля, поросшая рыжей выгоревшей травой. А совсем близко, но тоже наверху, было что-то страшное, кровавое, в чем мое сознание никак не

хотело узнавать маму.

И еще... еще там раскачивалась игрушка.

Маленький плюшевый медвежонок в забавной клетчатой шапочке.

Я не слышала звуков, не чувствовала запахов, но вдруг ощутила страшный, могильный холод...

И увидела, как перевернутый автобус охватывают оранжевые языки пламени.

Внезапно это видение погасло.

Зато вспыхнул свет – привычный, теплый свет лампы под розовым абажуром.

Я сидела у себя в комнате на диване, передо мной на столе стояла старая, закопченная лампа.

Она не горела – видимо, масло кончилось.

Свет в квартире был – к счастью, отключение было недолгим.

Но я все не могла прийти в себя от посетившего меня видения...

Что это было?

Я видела все так ярко, так отчетливо...

Я так явственно ощущала ужас и ледяной холод... холод надвигающейся смерти...

Мама вернулась поздно, когда я уже спала. То есть делала вид, что сплю, потому что мне ужасно не хотелось с ней разговаривать. Но если моей маме что-то нужно, она способна

растолкать и спящего в берлоге медведя.

– Вставай, соня! – мама зажгла верхний свет. – Мне так много нужно тебе рассказать!

– Ох, ну что такое... – Я нарочно потерла глаза. – Ну что тебе нейдет, уж полночь скоро.

– Уж полночь близится, а Германа все нет! – сказала мама и отчего-то рассмеялась.

– И что смешного, – проворчала я, – бедная Лиза в Лебяжьей канавке утопилась.

– Это она в опере утопилась, а у Пушкина для нее все очень хорошо кончилось, она замуж вышла за приличного человека!

Тут я подумала, что мама снова нашла мне какого-нибудь очередного козла и жаждет нас познакомить. Наверняка ку-мушки тети Олины поспособствовали.

– Ах, истомилась, устала я! – запела мама, кружась по комнате. – Где же ты радость бывала...

Причем если Лиза в опере пела эту арию с тоской и над-рывом, то у мамы получалось довольно весело и бодро, на манер марша.

– Мам, ты выпила лишку там, что ли? – удивлению моему не было предела.

– Женщине позволительно быть пьяной только от шам-панского! – объявила мама.

– Ну куда нельзя одну отпустить! – вздохнула я и по-вернулась, взбив подушку.

– Не смей спать! – приказала мама. – Ты представляешь, Герман Иванович наконец овдовел!

– Кто такой Герман Иванович? – оторопела я.

– Слушай, ну трудно с тобой! Ты его видела у Ольги на юбилее пять лет назад!

Так, юбилей у тети Оли был не пять, а десять лет назад, но мне-то что до этого?

Тут мама присела ко мне на диван и долго рассказывала про этого Германа, который учился с ними в институте много лет назад, и они все дружили, а потом он женился, и его жена не позволяла ему встречаться со старыми друзьями...

В общем, как-то они разошлись, а время шло и шло, и потом через общих знакомых стало известно, что жена Германа тяжело заболела, и ему стало не до гостей, он приходил только на юбилей Ольги, и выглядел ужасно, говорили, что болезнь у жены тяжелая, что-то с головой, она ничего не помнит...

Под мерный мамин рассказ я начала засыпать, но она безжалостно меня растолкала и сообщила, что назавтра они сговорились с тетей Олей, Германом и Славиком ехать в область смотреть вновь открытую восстановленную средневековую церковь. Славик отвезет нас всех на машине.

Сквозь сон я сообразила еще, что меня пригласили для того, чтобы я, так сказать, разбавила общество, потому что мама с тетей Олей небось набросятся на этого Германа Ивановича, или как там его. Раз уж мама такая оживленная и ра-

достная после встречи со старым другом – стало быть, не просто так они дружили в институте. Но моя мама очень следит за приличиями, так что я тут буду очень кстати. Заодно и со Славиком повидаемся, и поговорим спокойно, пока мама с тетей Олей будут этого самого Германа обхаживать.

Мама разбудила меня рано. И вот вы не поверите, но было у меня такое чувство, будто тело приклеено к кровати липкой лентой. Ни руки, ни ноги не поднять.

– Мам, может, не поедем? – заныла я. – Ну зачем тебе эта замшелая церковь?

– Это что еще такое? – закричала мама, а была она уже аккуратно покрашена и блузочку вроде бы надела темненькую-скромненькую, но я-то знаю, в каком магазине она была куплена, и шарфик подобрала в тон блузке, а как же, в церковь же идем, нужно голову покрыть...

– Это что такое, я тебя спрашиваю? – Мама даже топнула ногой. – Мигом вставай, автобус по расписанию ходит, ждать не станет! Мы с таким трудом уговорили Германа к нам присоединиться...

Ах вот в чем дело... А я спросонья и не поняла, точнее забыла, про вчерашнюю новость, которая привела маму в такой ажиотаж. Герман Иванович теперь свободен, и на него открыта охота. Причем что-то мне подсказывает, что тетя Оля тоже не прочь поохотиться. Отец Славика давно умер.

Так что отвертеться от поездки у меня не получится. Я

вспомнила свое видение вчера, когда зажгла лампу, и сердце кольнуло нехорошо. Нет, одну маму я никуда не отпущу.

Всю дорогу до автовокзала мама оживленно болтала о том, какая нас ждет замечательная поездка.

– Ты только представь – там церковь пятнадцатого века, и при этом очень хорошо сохранившаяся! А какие там пейзажи! Это самое красивое место в области!

Я слушала ее вполуха.

Меня не оставлял тоскливый, мучительный страх.

Перед глазами проплывали картины, которые я увидела во время отключения электричества. Несущаяся навстречу автобусу фура... перевернутый, покореженный автобус...

И отчего-то – плюшевый медвежонок...

Я пыталась пересилить себя, убедить, что это – глупость, дикие фантазии.

Но ничего с собой не могла поделать...

Наконец мы доехали, вышли на посадочную площадку.

Автобус там уже стоял.

– Как хорошо, что мы на него успели! – щебетала мама. – Следующий будет только через сорок минут! Они будут ждать нас на машине у поворота к церкви, а за Германом заедут к дому.

– Вот как, за Германом, значит, заедут, а мы должны на автобусе тащиться... – проворчала я, мама бросила на меня выразительный взгляд, но промолчала.

Мы подошли к передней двери...

И тут я увидела водителя.

Это был лысый загорелый дядька с большими волосатыми руками.

Точно такой был в моем вчерашнем видении...

Я попыталась успокоить себя.

Ну да, лысый. Ну да, волосатые руки.

В конце концов, все водители похожи друг на друга.

Ну, допустим, не все, но многие...

Но тут я увидела игрушку, подвешенную на шнурке перед лобовым стеклом.

Это был забавный плюшевый медвежонок в клетчатой шапочке...

Меня словно под дых ударили. Я остановилась, не дойдя до двери и двух шагов.

– Мама, я не поеду на этом автобусе! – проговорила я тихо, но твердо. – И ты не поедешь!

– Что значит – не поедешь? – переспросила мама. – Что значит – не поеду? Что такое ты говоришь?

– Не поеду – и все! – повторила я и попятилась от двери, не сводя глаз с чертова медвежонка. И натолкнулась на здорового мужика с огромной сумкой наперевес.

– Смотреть надо, куда прешь! – буркнул он, едва не уронив сумку.

Я не ответила и не извинилась, я пыталась оттащить маму от автобуса.

– Что ты такое несешь? – прошипела мама, оглядываясь по сторонам. – Возьми себя в руки! На нас уже смотрят! Садись уже в автобус! Не позорь меня!

– Ты меня не поняла? Мы не поедem на этом автобусе! – я сказала это громко, несмотря на странные взгляды остальных пассажиров.

– Как это – не поедem? Мы должны на нем ехать! Нас ждут! Мы не можем подвести людей! Мы заранее договорились! Церковь пятнадцатого века... или даже четырнадцатого... И Герман...

Я поняла, что она меня не слушает. И что она сейчас силой затолкает меня в этот автобус. Вот просто схватит за руку и потащит, может еще людей на помощь позвать. Хотя нет, говорила уже, что мама всегда соблюдает приличия.

У меня оставался только один аргумент – последний и решительный, как в песне.

Я понимала, что это плохо, аморально, но другого выхода не было.

Я закашлялась, захрипела, выпучила глаза, согнулась пополам... Проходящая мимо женщина с испугом шарахнулась в сторону.

– Что с тобой? – мама наконец обратила на меня внимание.

Я не отвечала, только хрипела и кашляла, и ненавязчиво, маленькими шагами, удалялась от автобуса.

– Что с тобой? – повторяла мама. – У тебя приступ?

– Да... да... – простила я между приступами кашля и снова захрипела, боясь переиграть. Хорошо бы хоть слезы пошли, а то как-то ненатурально у меня получалось. Но слезы, как назло, не появлялись, и чихать не хотелось, из носа ничего не лилось. Вот зараза такая эта моя аллергия, в кои-то веки она мне нужна – так нет ее!

К нам подошла какая-то сердобольная женщина, спросила, чем она может помочь. К этому времени мне удалось отойти от автобуса подальше. Мама торопливо достала из сумки бутылку воды, протянула мне. Я хлебнула, и тут вода попала не в то горло, и я закашлялась по-настоящему.

– Припадочная! – громко сказал мужик, которому с трудом удалось запихнуть свою огромную сумку в багажное отделение.

Водитель выглянул из автобуса и недовольно спросил:

– Ну что, вы садитесь или что? У меня, между прочим, расписание.

– Или что! – отмахнулась от него мама.

– Ну так я поеду!

– Поезжайте, поезжайте!

Автобус отъехал.

Я сделала несколько глотков из бутылки, и мой «приступ» благополучно завершился.

Мама успокоилась – и сразу принялась меня отчитывать.

– Ну вот, следующий только через час...

– Ты говорила, через сорок минут.

– Сорок минут – это тоже много. Мы подведем людей... они нас ждут... как неудобно...

Она набрала телефон своей подруги, но тот не отвечал.

– Надо же их как-то предупредить... – бормотала мама, снова и снова набирая номер. – Они же будут ждать... волноваться... нехорошо так нервировать людей... И Герман, с таким трудом его уговорили...

При этом она покосилась на меня, и одним этим взглядом выразила все, что обо мне думает.

Но взглядом дело не ограничилось.

После очередного неудачного звонка она все же произнесла то, что было у нее на языке:

– Как неудобно перед людьми! Все из-за тебя... неужели ты не могла взять себя в руки?

Я ничего не ответила.

К счастью, в это время подошел следующий автобус.

Прежде чем сесть, я взглянула на водителя.

Это был жгучий брюнет с густой курчавой шевелюрой. И на лобовом стекле у него болталась игрушечная ведьма на метле, с огромным крючковатым носом.

Перехватив мой взгляд, водитель подмигнул и заговорщицким тоном сообщил:

– На тещу мою похожа! Просто одно лицо!

Я вымученно улыбнулась и села.

На одном из передних мест уже сидела разбитная бабенка лет сорока в красном спортивном костюме.

– Девушка, вы с нами не поменяетесь? – обратилась к ней мама.

– Чего это?! – фыркнула та. – Кто раньше встал – того и тапки!

Мама тяжело вздохнула и воздела глаза – мол, о времена, о нравы...

А я только порадовалась – сейчас не было никаких совпадений с моим вчерашним видением...

Автобус наконец поехал.

Мама снова набрала номер тети Оли – и опять безуспешно. Телефон был вне зоны действия сети.

Тут мама снова завелась – принялась читать мне мораль, внушать, что я должна меньше обращать внимания на свои недомогания, больше думать о других людях...

Я молчала – с мамой лучше не спорить, тогда она быстрее выдохнется и сменит тему.

Так и случилось – ей наконец надоело меня воспитывать, и она переключилась на то, какую замечательную церковь мы должны были осмотреть.

– Там сохранились прекрасные фрески шестнадцатого века! В хорошем состоянии!

– Ты вроде говорила, что пятнадцатого. Или даже четырнадцатого.

– Это церковь пятнадцатого, а фрески более поздние. Но их автор – очень известный зограф...

– Кто? – переспросила я.

– Зограф – это художник по-старославянски! – пояснила она с апломбом. – В Средние века так называли художников, расписывающих церкви...

Я слушала ее вполуха, а сама посматривала на дорогу.

Меня все не оставляло какое-то беспокойство.

Вдруг автобус остановился – впереди была огромная пробка, растянувшаяся на километр.

Водитель заглушил мотор, вышел, чтобы разведать обстановку. Когда он вернулся, на нем лица не было.

– Что там случилось? – спросил его по возвращении кто-то из пассажиров.

– Авария... – ответил он мрачно. – Автобус столкнулся с грузовой фурой...

Я побледнела.

Перед моими глазами встало вчерашнее видение – несущаяся навстречу автобусу фура... опрокинувшийся мир, небо под ногами, и языки пламени, охватившие автобус...

– И когда мы теперь поедем? – спросила мама.

Водитель взглянул на нее возмущенно – мол, там, наверное, люди погибли, а ее интересует, когда мы поедем...

Мама, кажется, что-то поняла и замолчала. А потом снова переключилась на меня:

– Если бы ты взяла себя в руки, мы, может быть, успели проскочить до этой аварии, а сейчас вообще неизвестно когда приедем...

Я ничего ей не ответила.

У меня перед глазами раскачивался плюшевый медвежонок из вчерашнего видения.

Автобус простоял еще полчаса, и наконец пробка начала рассасываться, мы потихоньку двинулись вперед.

Мама снова набрала телефон подруги, и наконец сигнал сети появился.

В это время мы поравнялись с местом аварии.

Фуру уже оттащили на обочину, а перевернутый автобус лежал на боку, перегораживая половину шоссе.

Огонь уже потушили.

Трава вокруг автобуса почернела от огня, а еще на ней тут и там темнели лужи...

Мне не хотелось даже думать, что это за лужи.

Я разглядела кабину автобуса.

Водителя и пассажиров уже вытащили и увезли на машинах скорой помощи, но я успела разглядеть плюшевого медвежонка на лобовом стекле. Он немного обгорел, но смотрел на проезжающих с глупой самодовольной ухмылкой. Клетчатая шапочка была измазана красным.

Мама тоже мельком взглянула на опрокинутый автобус, но быстро отвлеклась на телефон. Там послышался голос тети Оли, но тут же сигнал снова пропал.

– Как неудобно! – повторила мама который раз. – Люди все распланировали, рассчитали... потеряли столько времени... и все впустую, все зря!

Наконец тетя Оля прорезалась.

Мама начала сбивчиво извиняться, говорила, что мы опоздали из-за пробок, из-за аварии на шоссе...

Тетя Оля принялась ее утешать, однако под конец сообщила, что церковь, которую мы собирались посетить, через час закроется, так что мы туда уже все равно не успеем. Так что Герман, чтобы зря не пропал день, пригласил их в ресторан, который находится тут неподалеку. Очень миленький ресторанчик, находится не прямо на шоссе, а чуть в сторону, вон они как раз туда приехали.

– Жаль, конечно, что не посмотрели церковь, но это не конец света... договоримся как-нибудь на другой день...

Даже без громкой связи мне был слышен чересчур довольный голос тети Оли.

Мама покосилась на меня и забормотала:

– Конечно, конечно, съездим как-нибудь в другой раз... уж такой сегодня день...

Закончив разговор, она повернулась ко мне и сказала плачущим голосом:

– Ну, ты видишь, к чему привели твои капризы? Мы потеряли целый день... ну, мы-то ладно, я уже к этому привыкла, но люди-то в чем виноваты? – Она сверкнула глазами и добавила:

– Конечно, я не сказала Ольге, что это из-за тебя... ты хоть ценишь мою деликатность?

Я снова промолчала, хотя было видно, что добило маму известие о ресторане. Что Герман пригласил, она, конечно,

но, не поверила, наверняка эта заклятая подружка Ольга его пригласила!

У меня же все стоял перед глазами перевернутый автобус.

Наконец мы доехали до остановки, вышли и на обратном автобусе отправились в город.

И всю дорогу мама дулась на меня, вздыхала и имела самый несчастный вид.

Когда мы уже подъезжали к дому, она в очередной раз с тяжелым вздохом процедила:

– Если бы мы сели на тот автобус...

Тут я наконец не выдержала и выпалила:

– Мама, ты что, не понимаешь, что если бы мы сели на тот автобус, нас бы сейчас не было на свете!

– Что ты такое несешь? – удивленно проговорила мама, уставившись на меня как баран на новые ворота.

– А ты что – не видела? Это ведь тот самый автобус попал в аварию! Тот самый, в какой мы чуть не сели!

– Ерунда... – ответила мама, но в ее голосе не было прежней уверенности. – Вечно ты все придумываешь, тебе надо взять себя в руки и не обращать внимания на разные мелочи. И меньше думать о себе, а больше – о других людях.

Под другими людьми она, разумеется, имеет в виду себя. Ну-ну...

До вечера мама слонялась по квартире, держа в руках телефон. Смотрела на экран, проверяла сообщения. На лице у нее решимость сменялась растерянностью.

Не нужно было быть специалистом, чтобы прочесть ее мысли, а именно: ей хотелось позвонить Герману, но не было приличного повода. А тете Оле она не хотела звонить из гордости. В общем, мне бы ее заботы, мысленно вздохнула я.

В конце концов мама сказала, что очень устала, и легла спать пораньше.

Я же долго не могла уснуть.

Перед моими глазами снова и снова появлялся перевернутый автобус, игрушечный медведь на лобовом стекле...

Увиденное на шоссе перемешалось с тем, что предстало передо мной в видении...

Видении, которое возникло, когда я зажгла старую лампу. И ведь все же совпало, перед собой-то я не стану хитрить.

Так, может, все дело в лампе?

Я поднялась, достала ее, поставила перед собой на стол, внимательно осмотрела.

Лампа была старая, помятая, закопченная. Наверняка ей было очень много лет. Ну да – уже лет сто, а то и больше, такие лампы вышли из употребления.

Интересно, что в ней еще осталось масло.

Под влиянием то ли любопытства, то ли другого неосознанного чувства я чиркнула спичкой и поднесла ее к носику лампы.

И фитилек снова загорелся.

Опять, как накануне, по стенам комнаты поплыли причудливые тени. На этот раз они казались похожими на средне-

вековые замки и крепости с зубчатыми стенами...

Как накануне, комната наполнилась странным экзотическим ароматом, от которого у меня закружилась голова...

Я была уже не в своей маленькой комнате, а в большом, пустом старинном здании.

Я шла по длинному гулкому коридору вслед за рослой, крупной женщиной, в которой узнала свою сослуживицу Ираиду Павловну Басинскую по кличке Бастинда.

Ираида Павловна – это уникум, но я расскажу о ней позднее...

Сейчас я шла за ней, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Бастинда открыла дверь в конце коридора, и мы оказались в большом зале с резным деревянным потолком.

На середине высоты зал опоясывала деревянная же галерея с красивыми резными перилами.

С двух сторон эту галерею поддерживали деревянные кариатиды с недовольными, сердитыми лицами.

Ну, их недовольство можно понять – много лет поддерживать тяжелую галерею – удовольствие ниже среднего...

Бастинда повернулась ко мне и что-то сказала.

Но, как и накануне, я не услышала ни слова, только увидела движение ее губ. Но догадалась, чего она хочет от меня, достала из папки, которую сжимала под мышкой, толстый блокнот и приготовилась записывать.

Бастинда же подошла к первой кариатиде, достала из своей сумки специальный скальпель и принялась соскабливать верхний слой дерева с колена кариатиды.

Все ясно – она берет с этого колена образец древесины, чтобы узнать ее состояние и проверить, заражена ли она древоточцами и другими вредителями...

В это время пол под ногами Ираиды негромко затрещал и начал прогибаться...

И кариатида словно ожила.

Она начала наклоняться, как будто хотела разглядеть того, кто посмел нарушить ее покой...

Какое-то время, какие-то бесконечно долгие доли секунды я не могла понять, что происходит. Но потом до меня дошло, что прогнивший пол под внушительным весом Ираиды Павловны просел, прогнулся, при этом кариатида, насквозь проеденная жучками, от незначительного усилия Бастинды потеряла устойчивость и сейчас рухнет на несчастную Ираиду...

И не только кариатида, но и вся галерея, которую она до сих пор поддерживала...

Я закричала, чтобы предупредить Бастинду, но крик мой был беззвучным, как и все в этом странном видении.

Ираида, ничего не замечая, продолжала скоблить древесину...

Тогда я бросилась к ней, чтобы выдернуть ее из-под падающих обломков...

Но уже опоздала.

Кариатида сложилась пополам, как будто хотела встать на колени, и обрушилась всем весом на несчастную Бастинду.

И тут же на нее сверху рухнула потерявшая опору галерея...

Я остановилась на полдороге – уже поздно было что-то делать...

Через несколько секунд обломки застыли, только пыль поднялась над грудой, из-под которой торчала нога Ираиды. Нога в трогательном, безвкусном полосатом носочке. Туфля валялась чуть в стороне...

И тут же видение задрожало и начало таять, а я услышала громкий, возмущенный мамин голос:

– Что ты здесь делаешь? Ты хочешь спалить нашу квартиру?!

Я вздрогнула и очнулась.

Лампа на столе уже не горела, только белесая струйка дыма поднималась от ее носика к потолку.

В дверях моей комнаты стояла мама в цветастом халате поверх ночной рубашки, рот ее был раскрыт в крике.

– Ты сошла с ума!

– Мама, в чем дело? – спросила я удивленно.

– Ты еще спрашиваешь? Я проснулась от какого-то ужасного запаха, подумала сперва, что загорелась проводка, зашла к тебе и увидела эту злополучную лампу! Ты ее зажгла!

Ты понимаешь, что ты могла устроить пожар?

– Мама, да какой пожар? Не волнуйся ты так! – я пыталась успокоить ее не столько словами, сколько мягкой, примирительной интонацией. – Что такого страшного случилось? Ну, зажгла я лампу и почти сразу погасила... ты же видишь...

– Это счастье, что не начался пожар! Этой лампой бог знает сколько лет не пользовались, она наверняка очень опасна! Ты знаешь, что такое техника безопасности?

– Но мама...

– Что – мама?

– Да в этой лампе и масла-то почти нет! Там чуть-чуть осталось от старых хозяев...

– Что?! То-то мне показалось, что этот запах... он какой-то странный! Может быть, ты жжешь в этой лампе коноплю или какую-нибудь другую наркотическую траву... может быть, она тебя одурманивает! Поэтому ты так странно себя ведешь!

– Мама, не говори ерунды!

– Вот, ты меня уже ни во что не ставишь! Я настаиваю, чтобы ты немедленно выкинула эту лампу! В конце концов, она вызывает у меня неприятные воспоминания... из-за нее мне пришлось отдать Ольге духи... духи, которые... – мама замолчала и раздраженно махнула рукой.

Говорила ведь я уже, что с моей мамой спорить себе дороже, даже если она в спокойном состоянии, а уж если как сейчас, то лучше помалкивать и соглашаться со всем заранее.

– Хорошо, мама, я ее выкину, – я быстро закивала головой. – Только завтра, ладно? Не хочешь же ты, чтобы я поздно ночью тащилась на помойку!

С этими словами я взяла лампу и запихнула под свой диван.

– Ладно, завтра! – неожиданно легко согласилась мама и покинула наконец мою комнату.

Дородная цыганка в пестрой шали шла по улице, цепким взглядом оценивая прохожих. Вдруг дверца стоящей у тротуара машины приоткрылась, и оттуда донесся озабоченный голос:

– Эй, женщина, не погадаешь мне? У меня сделка серьезная намечается, так вот нужно бы узнать, все ли будет в порядке...

Цыганка сверкнула золотым зубом, наклонилась.

Из машины высунулась худая жилистая рука.

Цыганка ухватила эту руку и привычно начала:

– Все тебе скажу, все тебе поведаю, ничего не утаю, только сперва позолоти мне руку...

– За этим дело не станет!

Цыганка пригляделась к руке и вдруг вздрогнула, попятилась:

– Это ты?

– Я, я! – донесся из машины насмешливый голос, и в то же время жилистая рука извернулась и схватила цыганку за

запастье. – Садись ко мне, Зара, поговорим!

– Я к тебе ни за что не сяду! – вскрикнула цыганка и попыталась вырвать руку, но человек в машине держал ее крепко, как железными клещами.

– Садись, я тебе сказал! – повторил он и втопил Зару в машину.

В машине сидел мужчина непонятного возраста. Ему могло быть как сорок лет, так и семьдесят. Худой, с костистым лицом и коротко стриженными, совершенно белыми волосами. Но самым странным, самым пугающим в его облике были глаза. Глубоко посаженные, они были совершенно белыми, лишенными зрачков. В то же время незнакомец не выглядел слепым, напротив, казалось, что его белые глаза видят все очень четко и ясно.

– Надень очки! – взмолилась цыганка. – Не могу твои глаза видеть! Мороз по коже!

– Никто не может! У всех мороз! – белоглазый удовлетворенно ухмыльнулся, однако все же надел черные очки.

Зара немного расслабилась.

Белоглазый склонился к ней и проговорил:

– Ты меня обманула. Ты сказала, что не знаешь, где она, а она была у тебя.

– Обманула, не обманула! – фыркнула цыганка. – Как мне было велено, так я и сказала! Ты не зарывайся! Не тебе решать, как дело повернется! Есть силы над тобой!

– И над тобой, Зара.

– И надо мной, конечно.

– Ладно, что ты меня обманула – это дело прошлое, проехали. А вот зачем ты отдала ее какой-то случайной женщине?

– А ты откуда знаешь?

– Звезды сказали.

– С каких это пор звезды с тобой разговаривают?

– А вот это тебя не касается! Говори, зачем отдала?

– Раз отдала – значит, надо было! Значит, звезды так велели! Значит, она не случайная! Сказано тебе – не нам решать!

– Ну уж нет! Раз ты ее отдала – ты ее мне и вернешь! Возьмешь у той девицы и принесешь мне!

С этими словами мужчина снова снял очки, уставился на цыганку страшными белыми глазами и зашипел:

– Вернеш-шь... вернеш-шь...

– Нет... не будет этого... – Зара попыталась вырваться, но Белоглазый крепко сжимал ее руку.

– Не будет этого... – повторила цыганка.

– А вот мы посмотрим...

Вдруг рядом прозвучал тоненький детский голосок:

– Дяденька, дай копеечку!

Белоглазый обернулся на этот голос.

Рядом с ним на сиденье машины сидел невесть откуда взявшийся чумазый цыганенок. Он тянул к Белоглазому смуглые ручки и повторял:

– Дай копеечку! Дай копеечку!

– Ты что ребенка мучаешь! – прозвучал в машине еще один голос – на этот раз мужской, низкий, с хрипотцой, и в машине появился здоровенный цыган в черной кожаной куртке, с серьгой в ухе. – Дай ребенку копеечку, а лучше – сотку баксов!

А следом за цыганом в машину уже лезли две или три женщины в пестрых юбках, с бренчащими монистами. Одна – старая, похожая на бабу-ягу из сказки, другая – лет двадцати, с удивительно красивым смуглым лицом, третья – совсем девочка...

– Чтоб вас... – прошипел Белоглазый, пытаясь высвободиться от наседающих на него цыган. – Сгиньте! Пропадите!

– Это можно! – пробасил цыган, и в то же мгновение вся компания исчезла, словно ее и не было в машине.

Вместе с ними исчезла и Зара.

– Чтоб вас... – повторил Белоглазый. – Ладно... придется все сделать самому...

Третьи сутки пылал великий город, центр мира, столица могущественной христианской империи. Третьи сутки пылал Константинополь.

Пылали прекрасные дворцы вельмож и царедворцев, пылали величественные храмы, пылали богатые купеческие склады, полные немислимых сокровищ – драгоценных тканей и удивительных фарфоровых сосудов из далекого Китая, самоцветных камней из чудесной Индии, пряностей

и украшений, привезенных византийскими купцами из богатых стран сказочного Востока.

Столь много было этих сокровищ, что дым, стелившийся над великим городом, приобрел сладостный аромат гвоздики и корицы, аромат ладана и мирры, аромат сандалового дерева и палисандра.

Третьи сутки пылал Константинополь, захваченный не воинами Аллаха, но грубыми, неотесанными варварами, приплывшими на берега Босфора из Лангедока и Бургундии, из Штирии и Саксонии, из Фландрии и Прованса.

Они приплыли сюда, чтобы освободить Святую Землю от неверных, чтобы пролить кровь за святыни Христовой веры, чтобы получить отпущение своих многочисленных грехов, но под влиянием жажды наживы, разгоревшейся при виде несметных богатств Константинополя, забыли о своих благородных целях, забыли о христианском милосердии и предались грабежам и разбою.

Призванные царевичем Алексеем, сыном свергнутого и ослепленного императора Византии Исаака Ангела, крестоносцы после длительной осады захватили Константинополь и теперь грабили его.

Третьи сутки они хозяйничали в немногих кварталах, чудом уцелевших от пожара, третьи сутки они грабили дома богатых византийцев, лавки торговцев и горожан, и врывались даже в христианские храмы в поисках поживы.

Алые кресты были на доспехах этих варваров как сим-

вол великой кротости Христовой, но сейчас они были почти незаметны под слоем алой крови, крови несчастных христиан.

За участие в крестовом походе всем было обещано прощение грехов – но сейчас, опьяненные кровью, опьяненные жаждой богатой добычи, крестоносцы только бесконечно множили свои грехи.

Кое-где победителям еще сопротивляются последние разрозненные отряды защитников великого города – императорские гвардейцы-секироносцы в бронзовых латах, варвары-наемники в кожаных нагрудниках, но они гибнут один за другим или благополучно переходят на сторону победителей.

По залитой кровью константинопольской улице ехал на коне закованный в броню рыцарь. Доспехи его были покрыты копотью великого пожара, залиты кровью – но то была кровь побежденных воинов, а не невинно убитых горожан. И алый крест на груди рыцаря сиял первозданной чистотой.

То был Ги де Кортине, барон Э, прозванный Благочестивым, честь и украшение крестоносного войска.

С горечью смотрел паладин на разграбленный, оскверненный город. С горечью смотрел на своих товарищей-крестоносцев, снующих по городу как дикие волки в поисках сокро-вищ.

Нет, не волки – в них не было красоты благородных хищников. Как собаки, как злобные и беспощадные одичавшие

собаки...

Он увидел разграбленную лавку – одну из десятков и сотен таких же, но вдруг его охватило странное чувство.

Словно какой-то голос позвал его...

Паладин подъехал, спешил, набросил повод на коновязь, вошел в лавку.

Сразу у двери на него обрушился знакомый, ужасный запах – запах свежей, недавно пролитой крови.

Глаза рыцаря быстро привыкли к полутьме, он шагнул вперед и увидел до отвращения знакомую картину недавнего разгрома.

Разорванные и окровавленные персидские ковры, разбитые алебастровые вазы из Магриба, расколотые шкатулки из драгоценного розового дерева, рассыпанные по полу дорогие бусины – жемчужные, бирюзовые, рубиновые...

Не сразу он заметил хозяина.

Он полулежал на полу в луже крови, привалившись к стене. Глаза его были открыты, и в них еще не угас огонь жизни.

Увидев рыцаря, он приоткрыл окровавленный рот, в глазах его промелькнул ужас, но потом он сменился надеждой. Торговец что-то зашептал.

Рыцарь склонился к нему, чтобы разобрать шепот умирающего.

– Сбереги ее, добрый человек! – прошептал едва слышимый голос. – Я вижу, что ты честный и благородный чело-

век!

— О чем ты, несчастный?

Умирающий скосил глаза вниз.

У него на коленях лежала старая, помятая медная лампа. Самая обычная, масляная.

Почему хозяин этой лавки, полной сокровищ и драгоценностей, прижимал к себе эту старую, дешевую лампу? Почему он просит рыцаря сберечь именно ее?

— Ты говоришь об этой лампе? — удивленно спросил умирающего рыцарь.

— О ней... — торговец опустил веки. — Обещай мне, что сохранишь ее, чего бы это ни стоило!

— Я сохраню ее, если это так важно для тебя. Но почему ты так о ней беспокоишься?

Губы торговца шевельнулись, словно он еще что-то хотел сказать, что-то чрезвычайно важное, но тут же его глаза закатились, и из уст вырвался последний вздох.

Несчастный умер.

Крестоносец закрыл рукою глаза мертвеца, сложил его руки на груди, затем прочел над ним заупокойную молитву. Это было все, что он мог для него сделать...

Впрочем, не все.

Вспомнив последнюю волю покойного, рыцарь взял старую лампу и положил ее в седельную сумку.

Покинув лавку, он отправился дальше по охваченному гра-

бежом городу.

Солнце клонилось к закату, и пора было подумать о ночлеге.

В городе почти не осталось постоянных дворов, а те, что уцелели, были переполнены. Как всегда на юге, быстро темнело, и вскоре на Константинополь обрушилась темная, жаркая, душная ночь, освещаемая только багровыми отсветами пожаров да факелами снующих по городу мародеров.

Так и не найдя своих соратников, рыцарь наткнулся на чудом уцелевший дом и попросил у хозяина ночлега. Тот испуганно покосился на крестоносца, но все же не посмел отказать ему и отвел в сарай. Там нашлась охапка сена, которая вполне могла заменить неприхотливому рыцарю постель. Еще одна охапка послужила ужином для верного рыцарского коня. Нашлось у хозяина и вино, к которому он принес ковригу хлеба и горсть фиников.

Утолив телесный голод, благочестивый рыцарь подумал о душе. В седельной сумке у него была рукописная библия, но в сарае было слишком темно.

Тут крестоносец вспомнил о лампе, которую взял у погибшего торговца.

Он достал ее и задумался: где бы взять масла, чтобы осветить свое пристанище.

В задумчивости он пару раз ударил кресалом о камень, посыпались искры, и, к его удивлению, старая лампа загорелась. Видимо, в ней еще были остатки масла.

Сарай наполнился странным, волнующим ароматом. Ароматом освещенного лунной ночного сада.

Голова рыцаря закружилась, и перед его глазами поплыло удивительно яркое видение.

Ему виделось, что он выезжает из ворот замка и скачет по выжженной солнцем долине, в ряду таких же закованных в латы крестоносных рыцарей, навстречу всадникам ислама в ярких чалмах. Два отряда сшибаются в смертельной схватке, долина наполняется криками боли и торжества.

Крестоносцы начинают одолевать, они теснят мусульманских воинов, прижимают их к каменной гряде. Победа кажется уже близкой, но тут из-за невысокого холма, поросшего колючим кустарником, вырывается новый отряд сарацин.

С боевым кличем они обрушиваются на фланг крестоносцев, и через считанные минуты большая часть рыцарей падает под их ударами. Что же страшнее всего, один из исламских бойцов убивает возждя крестоносного воинства Конрада Монферратского...

Смерть предводителя лишила уцелевших крестоносцев воли к победе, они сбились в кучку, оцетинившуюся копьями, и стали пробиваться к воротам замка.

Но в это время видение начало бледнеть и постепенно растаяло, как утренний туман.

Рыцарь осознал, что находится в бедном сарае, со двора

доносилось сонное всхрапывание коня...

Он подумал, что его посетило странное видение, улегся на сено и заснул.

Едва я утром явилась на работу, меня сразу вызвали в кабинет начальника.

Там уже сидела Басинская – та самая неподражаемая Ираида Павловна, которую за глаза все в нашей конторе называют Бастиндой.

Вы, разумеется, помните, кто такая Бастинда – злая и очень страшная волшебница из сказки. Она правила страной Мигунов и смертельно боялась воды. И это единственная вещь, которая не совпадает у Ираиды со сказочной Бастиндой. Воды она не боится, это мы точно знаем, во всем остальном она – вылитая ведьма. Злая, грубая, скандальная баба. Хамит всем подряд, ругается матерными словами и курит как паровоз.

В общем, достала всех, но когда кто-то из сотрудников, пожелавший остаться неизвестным, дал ей прозвище Бастинда, стало как-то легче. Да еще мы все сложились и на прошлый Новый год подарили Бастинде фиолетовый шарф. Ведь в сказке Бастинда управляла Фиолетовой страной и одевалась исключительно в фиолетовую одежду.

Она-то конечно, никаких сказок не читала даже в детстве, так что понятия не имела, в честь кого ее назвали. И даже обрадовалась лиловому шарфику, и носила его всю зиму, в

то время как коллектив потешался от души.

Сейчас Бастинда строго и непреклонно взидала на шефа, надо отдать ей должное, начальству она так же хамит, как и простым сотрудникам, разницы не делает.

– Наконец-то вы явились, Соловья... Соловьянинова! – шеф никогда не может произнести мою фамилию с первого раза, по-моему он делает это нарочно.

– Так ровно десять, – робко ответила я.

– Да, действительно... – проговорил он, взглянув на часы. – Но это неважно. Сейчас вы с Ираидой Павловной поедете на объект. Нужно произвести обследование здания девятнадцатого века, это дача купца Семирылова... то есть Семикрылова. Обычная энтомологическая экспертиза перед заключением сделки. Но имейте в виду – эта работа очень важна для нас...

Дело в том, что наша контора занимается весьма специфической деятельностью. Мы обследуем старые дома перед продажей или реставрацией, чтобы выяснить, не заражены ли они какими-нибудь вредителями – древоточцами, муравьями или другими мелкими созданиями, которые могут повредить зданию.

Я в этом, честно говоря, ни сном ни духом, но мамин дальний знакомый, бывший то ли коллега, то ли соученик, решил, что поскольку я по специальности учитель биологии, то мне такая работа будет в самый раз. Не помню, говорила я или нет, что окончила педагогический институт. Звезд с

неба там не хватала, училась средне и выбрала специализацию биология. Ну, в математике я не так чтобы очень, в физике тоже, а химию просто ненавижу. А на языковые специальности был такой конкурс, что с моими успехами нечего было туда и соваться, оставалась одна биология.

Ну что сказать про школу? Сами понимаете, что продержалась я там всего несколько месяцев, и даже мама согласилась, что школа – это не мое. И устроила меня через своего знакомого в эту самую фирму.

Так вот, поскольку я в энтомологии не разбираюсь, я у всех здешних специалистов на подхвате – ношу за ними сумки с реактивами и образцами древесины, записываю их мудрые замечания и тому подобное. В этой роли шеф и посылает сейчас меня с Ираидой.

Разумеется, моего согласия никто не спросил.

Ираида милостиво выслушала ценные указания шефа, и мы отправились на автомобильную стоянку.

Поскольку дача купца Семирылова... то есть Семикрылова, расположена за городом, ехать туда нужно было на машине.

Машина была общественная, от конторы, старенький внедорожник. А вести его должна была Бастинда... извиняюсь, Ираида Павловна. Она прекрасно водит машину. Вообще она умеет делать все что угодно. Точнее, все, что она сама считает полезным.

Всю дорогу Бастинда ругалась. На плохую дорогу, на во-

дителей, которые совершенно не умеют ездить, на шефа, который не умеет ухватить хорошие заказы, а берет что ни попадя. На сотрудников, которые ни фиги не делают (она употребила куда более сильное слово, которое я не могу привести здесь по понятным причинам). Досталось за компанию даже купцу Синерылову. То есть Синекрылову, Бастинда и его обложила как следует.

Лучше бы она за дорогой следила!

Впрочем, кажется, это она тоже успевала.

Город был забит транспортом, и мы с Бастиндой то и дело застревали в пробках.

Наконец вырвались за кольцевую дорогу и покатили по Выборгскому шоссе.

Дача, которую нам нужно было обследовать, находилась недалеко от города, и очень скоро мы свернули на грунтовую дорогу, проехали несколько километров и остановились перед двухэтажным зданием необычной архитектуры.

Бастинда тут же сообщила мне, что это прекрасный образец северного модерна. Первый этаж был каменный, из грубо отесанных валунов, второй – деревянный, крутая двускатная крыша когда-то была выложена темно-красной черепицей, но часть черепицы повреждена и заменена листами кровельного железа.

В общем, дом когда-то был очень красивым, но сейчас о нем можно было сказать, как говорят о некоторых женщинах – «со следами былой красоты».

Мы подошли к крыльцу.

– А здесь не того? Не опасно? – проговорила я, осторожно поднимаясь по ступеням вслед за Бастиндой. – Ничего на нас не рухнет? Пол не провалится?

– Не опасно! – отрезала та уверенно. – Прораб проверил, все несущие конструкции в порядке!

Тут у меня зазвонил телефон.

На экране высветился мамин номер.

Я забеспокоилась – что с ней могло случиться?

Нажала кнопку, поднесла трубку к уху – но ничего не услышала, кроме треска и шороха помех.

Взглянула на экран и увидела, что сигнал сети, и до того очень слабый, вовсе пропал.

На всякий случай попыталась сама набрать мамин номер, но из этого, конечно, ничего не вышло.

Оставалось надеяться, что мама звонила по какой-нибудь ерунде, что ничего серьезного не случилось.

Я спрятала телефон в карман и вошла в дом за Бастиндой, которая уже скрылась за дверью и крикнула, чтобы я прекратила точить лясы и занялась наконец делом. С Бастиндой единственное спасение – это молчать. Просто сжать зубы и не издавать никаких звуков. И не смотреть ей в глаза, а лучше в пол или в блокнот для записей.

Я оказалась в длинном полутемном коридоре.

Ираида Павловна как раз прошла этот коридор и открыла дверь в его конце. Я поспешила за ней и оказалась в большом

зале с высоким резным деревянным потолком...

И тут же у меня перехватило дыхание.

Это был тот самый зал, который мне привиделся накануне, когда я зажгла старинную лампу.

Как и тогда, этот зал опоясывала деревянная галерея с красивыми резными перилами.

Как и в том видении, эту галерею поддерживали две деревянные кариатиды с недовольными физиономиями...

Сердце мое забилося от волнения.

Первый раз, когда я зажгла лампу, мне привиделась дорожная авария, в которую попал автобус, – и потом автобус, в который мы с мамой едва не сели, столкнулся с фурой. А второй раз я видела, как Ираида Павловна погибла под обломками этой галереи... Тогда все сбылось, так, может быть, и сейчас сбудется? Боюсь, что проверка дорого может обойтись Ираиде...

А Ираида обернулась ко мне и строго проговорила:

– Достань блокнот, будешь записывать все данные!

И, увидев, что я медлю, рявкнула:

– Не стой столбом, не жвачься! Господи, вот послал бог помощницу!

Вот что они все бога-то поминают ни к селу ни к городу! Он уж точно меня Бастинде не посылал, просто никто не хочет с ней работать из-за ее отвратительного характера, вот и посылают меня, поскольку я больше ничего не умею, кроме как писать без ошибок.

Я откашлялась и сказала:

– Ираида Павловна, не ходите туда! Дом аварийный, галерея может на вас обрушиться!

Бастинда смерила меня презрительным взглядом и проговорила:

– Ты меня еще учить будешь! Много ты понимаешь! Я тридцать лет старые дома обследую, так уж знаю, где опасно, а где безопасно! Этот дом еще пятьдесят лет простоит! Делай, что я велела, записывай результаты обследования! И если уж так боишься, можешь близко ко мне не подходить! Стой здесь, возле двери!

Тут я вспомнила, что в том видении тоже осталась возле двери и поэтому не успела вытащить Бастинду из-под рушащейся галереи... нет, я не повторю той ошибки! Хотя и противная она баба, но если на нее рухнет полдома, я же совестью замучаюсь. Могла спасти и не спасла.

Я огляделась по сторонам и увидела возле стены длинную доску. Вроде ничего себе досочка, крепкая еще.

Я с трудом подхватила эту доску и, с ней под мышкой, пошла за Ираидой.

Та обернулась на меня и удивленно проговорила:

– А это еще зачем? Куда ты тащишь эту доску? И вообще, я тебе сказала – стой у двери!

– Где надо, там и буду стоять! – твердо сказала я. – Хватит уже указывать, сами говорили, что времени мало!

Я сама удивилась своему тону, никогда раньше я не разго-

варивала так со старшими, а уж тем более с Бастиндой. Да ей не то что возражать, вообще никаких звуков издавать нельзя. Но Бастинда сама так удивилась, что буквально разинула рот. И смотрела на меня так, будто заговорила прикроватная тумбочка или кухонная табуретка. Потом она громко сглотнула и пробормотала что-то невразумительное, а я встала чуть поодаль.

Ираида фыркнула, достала скальпель и стала соскребать дерево с колена кариатиды.

В точности так же, как в моем видении...

– Записывай, – проговорила она озабоченно. – Структура древесины рыхлая... с многочисленными повреждениями... надо же, а с виду еще ничего...

– Это тоже записывать – что с виду?

– Нет, конечно! Думай своей головой, что писать, а что нет!

Я старательно записывала ее слова и в то же время следила за полом и кариатидой.

И вскоре увидела, что пол под весом Ираиды начал с негромким скрипом прогибаться... Ну да, забыла сказать, что Ираида Павловна у нас – как бы это помягче выразиться – дама весомая, то есть не то чтобы под сто килограммов, чего нет, того нет, зря врать не стану, но если и меньше девяноста, то самую чуточку.

Так что пол потихоньку прогибался, и в то же время кариатида стала чуть заметно наклоняться, словно хотела рас-

смотреть того, кто нарушает ее многолетний покой.

Ираида Павловна продолжала скоблить деревянное колесо и диктовать мне свои комментарии.

Пол тем временем прогибался все сильнее, а кариатида уже заметно накренилась...

Тут раздался громкий треск, и многострадальная кариатида начала падать...

Бастинда в последний момент заметила движение деревянной статуи, подняла голову и застыла от ужаса...

Дальше события стали разворачиваться молниеносно, как в ускоренной съемке.

Я метнулась к кариатиде и подставила под нее доску, тем самым задержав ее падение. В то же время я схватила окаменевшую от испуга Ираиду за локти и буквально выдернула ее из-под падающей кариатиды, оттащила на безопасное место...

В это время доска не выдержала веса падающей статуи и подломилась. Кариатида с грохотом обрушилась на пол, и тут же сверху на нее рухнула потерявшая опору деревянная галерея.

Образовалась груда деревянных обломков, над которой поднималось облако пыли.

Мы с Ираидой сидели на полу в паре метров от этой груды, переводя дыхание.

Наконец к Ираиде вернулся дар речи, и она произнесла изменившимся голосом:

– А с виду все выглядело достаточно прочно!

– Не всегда можно верить первому впечатлению! – подала я голос.

Бастинда покосилась на меня и смущенно проговорила:

– А ведь ты была права... галерея обрушилась, как ты и говорила... у тебя есть интуиция, а интуиция в нашей работе – самое главное! Из тебя выйдет хороший специалист!

Я промолчала – не рассказывать же ей про старинную лампу и посещающие меня видения...

А Ираида Павловна немного помолчала и смущенно добавила:

– И спасибо тебе... ты ведь меня спасла... я в какой-то ступор впала, и если бы не ты...

Я опять промолчала – не знала, что ответить на такие слова. Не скажешь ведь «пожалуйста» или «всегда к вашим услугам».

– Удивительно, как ты быстро отреагировала на опасность! Я и не представляла, что у тебя такая реакция!

Что я могла на это сказать? Что я и сама не представляла? Или что я так быстро реагировала, потому что была готова к подобному развитию событий?

А она еще добавила:

– А как ты догадалась прихватить доску?

– Ну, не знаю... интуиция...

– Вот именно! Я же говорю – интуиция в нашем деле важнее всего!

Надо же, все-таки есть в ней что-то человеческое, может испытывать благодарность.

– Ну устрою я прорабу этому, утверждал ведь, что все тщательно проверил, а тут такое! – Ираида сокрушенно покачала головой, глядя на обломки галереи, скрывшие кариатиду. Вторая кариатида смотрела на гибель своей сестры довольно равнодушно. Ираида же выглядела бледновато.

Делать было нечего, мы выбрались на улицу и уселись на крыльце. Нужно было звонить прорабу, но Бастинда что-то медлила, и я поняла, что у нее просто нет сил. То есть до нее понемногу доходило, что сейчас она лежала бы там, под обломками, и в лучшем случае ее ждало бы пожизненное кресло инвалида.

– Выпейте водички! – предложила я, это мама настояла на том, чтобы я всегда носила с собой бутылку воды, она прослушала передачу о том, что вода – это жизнь, и усиленно выполняла все рекомендации. Надо же, в кои-то веки пригодились!

Ираида вцепилась в бутылку, как будто пробыла в пустыне дней десять, вылебала одним махом половину, потом закурила, причем, что характерно, разрешения не спросила, из чего я сделала вывод, что она пришла в себя.

Так и оказалось, потому что после перекура она позвонила сначала прорабу, а потом – начальнику. Вот тут я отошла в сторонку, поскольку слушать ее цветистую ругань мне было неинтересно. И это еще были относительно приличные

выражения, обычно наша Бастинда и матом не брезгует.

Я достала телефон и обнаружила там пять или шесть неприятных звонков от мамы. Меня кольнуло беспокойство: что-то явно случилось. Я упростила Ираиду Павловну ехать отсюда к цивилизации, не дожидаясь прораба, она открыла было рот, чтобы произнести свои обычные хамские речи, но своевременно одумалась, прикусила язык и тронула машину с места.

Мужчина неопределенного возраста, в черных очках, с коротко стриженными белыми волосами подошел к трансформаторной будке, огляделся по сторонам и открыл железную дверцу с изображением черепа и грозной надписью: «Высокое напряжение. Опасно для жизни».

За дверцей оказалось хитросплетение разноцветных проводов. Мужчина без опаски взялся за эти провода и потянул в сторону, как дверцу шкафа-купе.

Провода вместе с задней стенкой отодвинулись, и за ними оказалась уходящая под землю железная лесенка.

По этой лесенке мужчина спустился, открыл еще одну дверь – она была заперта на ключ, нажал на кнопку выключателя.

Вспыхнул свет.

Мужчина находился в обычной, скудно обставленной комнате без окон.

Здесь были рабочий стол с компьютером, пара стульев,

небольшой шкаф, узкая кровать, еще один стол, на котором стояли электрический чайник и кофеварка. Был еще отгорожен уголок, где помещались душ и унитаз.

Первым делом мужчина заправил кофеварку, засыпав в нее двойную порцию кофе. Когда кофе был готов, он выпил его двумя глотками, затем сел за рабочий стол, поставил перед собой настольное зеркало, снял темные очки.

В зеркале отразилось худое костистое лицо с пугающе белыми глазами без зрачков.

Мужчина усмехнулся и вынул белые линзы.

Теперь глаза у него были обыкновенные, блекло-голубые, с обычными круглыми зрачками. И все лицо его при этом утратило свою пугающую загадочность.

Мужчина провел длинными пальцами по лицу, как бы снимая с него усталость.

Затем он выдвинул ящик стола и достал оттуда резную шкатулку из темного дерева. Открыв эту шкатулку, он достал из нее четыре вещи – толстую старинную книгу в потертом кожаном переплете, на каком-то загадочном древнем языке, старинный серебряный канделябр на две свечи, хрустальный шар размером с теннисный мяч и массивный серебряный перстень.

На этом перстне был выгравирован странный символ – восьмиконечный крест, вписанный в пентаграмму.

Мужчина прижал перстень к губам, прошептал несколько слов на загадочном языке, затем надел его на указательный

палец правой руки. В канделябр он вставил черные свечи, зажег их и бережно взял в руку хрустальный шар.

Он стал медленно поворачивать шар, глядя сквозь него на пламя свечей, и тихо произносить странное заклинание на незнакомом гортанном языке.

Вскоре внутри шара за клубилось золотистое облачко.

Это облачко сгустилось, меняя форму.

На какое-то время оно стало похоже на старинную масляную лампу... затем оно изменилось, теперь в нем можно было увидеть женское лицо... и снова облачко изменило форму, оно стало похоже на какой-то небольшой дом, но тут же смешалось и утратило форму.

Мужчина выругался на незнакомом языке, встряхнул шар, посмотрел сквозь него на пламя...

Но в шаре по-прежнему клубилось только бесформенное золотистое облачко.

Тогда мужчина положил шар, не оправдавший его надежд, открыл старинную книгу и начал читать ее вслух, нараспев произнося странные гортанные слова.

Так он читал около получаса, и его голос в процессе чтения становился все сильнее и громче.

Постепенно голос его изменился.

Теперь казалось, что не он читает древнюю книгу, а сами ее страницы оживают и звучат странным, гипнотическим голосом, не имеющим возраста и даже пола.

Наконец этот голос замолк, и в комнате наступила тиши-

на.

Мужчина встряхнул головой, словно стряхивая с себя гипнотическое оцепенение, вызванное древними словами.

Он снова вставил в глаза белые линзы, взглянул на себя в зеркало и удовлетворенно ухмыльнулся.

– Придется сделать все самому!

Татьяна Михайловна Соловьянинова была женщиной энергичной и справедливо полагала, что от любых неприятностей нужно спастись работой. Желательно физической. Ну, разумеется, не таскать камни в гору, как Сизиф, и не копать огород (которого, кстати, у нее никогда не было).

Нет, работа должна быть по силам. Ну, к примеру, уборка квартиры, которая всегда на ней.

Дочка, эта тетеха и размазня, никогда ничего не успевает. А все потому, что не умеет правильно организовать свое время. Ну что делать, уж такая ей досталась, никуда теперь не денешься. Как люди говорят: с мужем можно развестись, с детьми же – никогда. Это ее крест, нужно его нести до конца.

Вспомнив про двух своих мужей, с которыми пришлось развестись, Татьяна Михайловна слегка расстроилась.

Не потому, что было жалко этих двоих – один со временем стал законченным алкоголиком, причем так удачно маскировался, что она разглядела его пагубное пристрастие, когда уже поздно было что-то делать.

Нет, все эти беседы с наркологами и психологами не для

нее, она сочла правильным поступком немедленно с первым мужем развестись, не тратя свои силы и нервы на никчемного человека, который при прощании только и смог сказать, что от такой, как она, любой мужик запьет и он еще долго продержался.

Следующий муж был полной противоположностью первому, то есть вообще не брал в рот спиртного, не курил, не играл на гитаре, не убегал надолго общаться с друзьями, которых, надо сказать, у него и не было вовсе. Он принимал душ два раза в день и сам стирал свои носки. Он мыл посуду после завтрака, чтобы поставить чашки из-под кофе ручками обязательно в одну сторону. В ящиках стола у него был абсолютный порядок, равно как и на полках платяного шкафа.

Ну да, он сразу же постановил, что отделения в шкафу у них будут отдельные.

Надо отдать ему должное: он заранее предупредил свою будущую жену, что главным в своей жизни считает порядок. Она с радостью согласилась выйти за него замуж, потому что, откровенно говоря, никаких других претендентов и не было – у нее же была Аня.

Неприятности начались через несколько месяцев, когда она уже была беременна Марьяшей. Кстати, это муж так называл дочку, пускай будут Анна и Марианна, как в фильме про Золушку.

Короче, своей патологической любовью к порядку муж стал Татьяну Михайловну безумно раздражать. Глядя, как

он ставит чашки ручками в одну сторону, ей хотелось бросить все чашки на пол и растоптать их ногами. А когда она в который раз наблюдала, как он запихивает в стиралку свои носки (отчего-то непременно белые, других он не носил даже зимой), то поймала себя на мысли подбросить в машину, к примеру, малиновую, жутко линяющую прихватку.

Она сама удивлялась таким желаниям и списывала их на беременность. Но когда родилась вторая дочка, стало еще хуже.

Все знают, что с грудным ребенком никакого порядка в доме быть не может, всюду разбросаны памперсы, соски и бутылочки. Так вот, муж по-прежнему только расставлял чашки и стирал носки, а всего остального требовал от Татьяны Михайловны.

Зарабатывал он не настолько хорошо, чтобы нанять няню или хотя бы женщину для уборки, приходящую раз в неделю. А когда Татьяна Михайловна заметила, что он смотрит на своего ребенка с досадной брезгливостью, то совсем пала духом.

И раздражение, которое она испытывала к нему во время беременности, теперь не прошло, а потихоньку превращалось в самую настоящую ненависть.

Все-таки пару лет они продержались, а когда она поняла, что больше просто не может его видеть, что ее раздражает в нем буквально все: как он ест, как с задумчивым видом трогает кончик носа, как чистит зубы, и эти проклятые носки,

черт бы их взял совсем...

Так вот тогда она сказала, что хочет развестись. И до сих пор помнит, какое немыслимое облегчение промелькнуло на его лице, когда он услышал ее слова.

Он честно платил алименты, но не изъявлял никакого желания видеться с ребенком. То есть если бы она попросила, то, возможно, он выполнил бы все, что положено. Но при виде бывшего мужа на пороге их с детьми квартиры у нее начиналась сильнейшая зубная боль, которая проходила только на следующий день. Так что посещения мужа понемногу сошли на нет, и он был только доволен. Вот так они и расстались – без шумных скандалов и взаимных оскорблений.

Разумеется, Татьяне Михайловне было тяжело с двумя детьми, но помогали родители, а через некоторое время выяснилось, что тот, первый, муж, вместо того чтобы окончательно спиться, как она предрекла ему при расставании, отчего-то взялся за ум, бросил пить, организовал свой, хоть и небольшой, бизнес – в общем, пошел в гору. И нещадно баловал Аню, свою единственную дочку.

С Татьяной Михайловной же первый муж упорно общался только по телефону, и то предпочитал писать сообщения. Однако она стала подумывать о воссоединении с ним.

Ну что, в самом деле, раз он оказался приличным человеком, так почему бы и нет? Не то чтобы сразу бежать в загс, но можно же ведь встречаться, общаться, проводить время семейно... Да. Сколько пар вот так воссоединяются после

развода, дело житейское, не зря говорят, что старая любовь не ржавеет.

Короче, когда она ненавязчиво пригласила бывшего мужа к ним на день рождения Ани, чтобы отметить его в узком семейном кругу, он ответил, что прийти никак не сможет, потому что уезжает в длительную командировку.

А потом как-то явилась сияющая Анька с запоздалыми подарками ко дню рождения и сообщила, что папа скоро женится. Свадьба будет скромная, но ее пригласили.

Один бог знает, чего стоило тогда Татьяне Михайловне удержать лицо. А это чудовище, ее старшенькая, злорадно описывала подробности – и какая новая жена отца замечательная и красивая, и как хорошо к ней относится, и вот это дорожное платье она помогала выбирать. И вообще они с ней как подружки.

Ну скажите, за что она так с родной матерью, что Татьяна Михайловна ей сделала плохого?

Что ж, Татьяна Михайловна сумела перенести этот удар достойно, тем более что через некоторое время Анька стала жаловаться, что ее мачеха была добра к ней только до официальной свадьбы, а потом вежливо, но твердо дала понять, чтобы она не лезла к ним в семью.

Татьяна Михайловна вновь вычеркнула первого мужа из своей жизни и занялась детьми и работой.

Сейчас она очнулась и в сердцах выругала себя за то, что вместо того, чтобы заниматься делом, она поддается унынию

и грусти. Ну уж нет, это не для нее.

Татьяна Михайловна засучила рукава и принялась за уборку квартиры. И прежде всего сунулась в комнату дочери...

Ну что же это такое!

Душно, дочка забыла открыть форточку. Ну да, ночью шел дождь, а сейчас-то ясно!

Впустив в комнату свежий воздух, Татьяна Михайловна отдернула шторы и огляделась.

Так, легкая пыль, и подоконник не мешало бы протереть, и покрывало на диване сбито на сторону, пижама почему-то валяется на полу... А чем это пахнет?

Татьяна Михайловна втянула носом воздух и поморщилась. Пахло чем-то непривычным, не то индийскими благовониями, не то церковным ладаном. Да нет, пожалуй, не то...

И тут она вспомнила, что ночью ее ненормальная доченька зажигала эту штуку, которую она принесла вместо вазы авторской работы. Вот уж подарочек так подарочек!

Надо же, мало того что эту дуреху обманули цыгане, так она еще и зажигала эту, с позволения сказать, лампу ночью! Ведь пожар могла устроить, спалила бы всю квартиру!

Господи, привычно подумала Татьяна Михайловна, и за что мне такое наказание? Ну совершенно никчемушная девица уродилась. Анька хоть замуж вышла...

Однако мысли о старшей дочери тоже не привели Татьяну Михайловну в хорошее настроение. Муж у Ани так себе, ни

рыба ни мясо, ни денег с него больших, ни любви особой не получить.

Анна, конечно, матери ничего не рассказывает, только денег то и дело просит вроде как случайно, к слову, но Татьяна Михайловна, как всякая мать, все видит.

А Марьяна, когда услышала, как она зятя критикует, только плечами пожала – мол, оставь их в покое, пускай сами разбираются.

Между делом Татьяна Михайловна орудовала пылесосом, а потом решила отодвинуть диван, чтобы уж окончательно расправиться с пылью. И что вы думаете? В самом дальнем углу валялся сверток из старых газет. Ну так и есть, эта лентяйка и тетеха не выбросила лампу! А ведь обещала, слово давала. Грош цена их словам!

Татьяна Михайловна не стала разворачивать лампу, она положила сверток в старый полиэтиленовый пакет и вышла из дому, всунув ноги в тапочки на резиновом ходу. Открыв дверь аккуратного домика, где стояли баки для мусора, Татьяна Михайловна запихнула пакет с лампой в самый дальний бак и вздохнула свободно.

Нет, правильно говорят: если хочешь, чтобы дело было сделано, – сделай его сам!

Еще выйдя из лифта, Татьяна Михайловна услышала, что за дверью ее квартиры заливается телефонный звонок. С трудом справившись с замками, она пробежала до телефона и успела схватить трубку.

– Алло, я слушаю!

– Это Татьяна Михайловна? – спросил в трубке незнакомый мужской голос.

– Ну да, а что вы хотели? – Татьяна Михайловна была женщиной недоверчивой, какое уж тут доверие, когда столько телефонных мошенников развелось.

– Я говорю с Татьяной Михайловной Соловьяниновой? – голос был сухой и абсолютно безликий, из чего Татьяна Михайловна инстинктивно сделала вывод, что сейчас ей сообщат нечто неприятное. Телефонные мошенники обычно разговаривают голосами приветливыми и сладкими, как малиновый сироп.

– Да-да, я вас слушаю! – ее голос против воли дрогнул.

– Меня попросила позвонить ваша дочь Марианна!

– Что такое? – Татьяна Михайловна ощутила, как ноги ее подламываются в коленях, и опустилась на плитки пола в прихожей. – Что с ней?

– Вы только не волнуйтесь, но она попала в аварию... так-си влетело в столб...

– Она... она... – Татьяна Михайловна осознала, что не может выговорить страшное слово.

– Она пострадала, но не так сильно, как другие... она в сознании и просила вам позвонить.

– А вы кто? – в голове Татьяны Михайловны зашевелились подозрительные мысли. Знаем мы эти звонки по телефону, сейчас денег будет просить. – А почему она сама не

может позвонить?

– Ее телефон пропал, я звоню со своего, я врач скорой помощи, сейчас мы возем вашу дочь в больницу. Она не может говорить, потому что я сделал ей укол успокоительного, она спит. Так что вы не волнуйтесь, помощь ей оказали...

– В какую больницу ее везете? – закричала Татьяна Михайловна не своим голосом. – Адрес говорите!

– Комаровская больница, это...

– Я знаю, где это, это же очень далеко!

– Уж как положено, возем в дежурную больницу, – сухо ответил доктор и отключился.

Татьяна Михайловна заметалась по квартире, собирая вещи и деньги, ох, паспорт же дочкин еще нужен!

Найдя в ящике стола красную книжицу паспорта, она взглянула на фотографию. Совсем молодое и довольно глупое лицо, глаза смотрят на мир испуганно...

Ох, ну это же ее дочь, плоть от плоти, а она вечно ею недовольна и ругается. Ох, вот и сглазила...

Как только мы с Бастиндой въехали в цивилизацию, в телефоне появился сигнал. И я набрала маму. Однако ее телефон не отвечал, то есть сообщил мне равнодушным голосом, что выключен или находится вне зоны действия сети.

Что такое? Это у меня вечно проблемы с телефоном, он разряжается в самый неподходящий момент, а мама в этом смысле строга, она трепетно следит за своим телефоном и от

меня требует того же.

Я набрала номер домашнего телефона, и никто не взял трубку. Слушая долгие гудки, я начала волноваться.

То есть мамы нет дома. Это-то еще ничего, мама – женщина активная, ушла в магазин или еще куда-нибудь, в такую погоду грех дома сидеть, по ее же собственному выражению. Но для чего она мне звонила пять... нет, шесть раз?

– Ты чего ерзаешь? – недовольно спросила Бастинда. – И все по телефону звонишь, хахаль, что ли, бросил?

– Какой еще хахаль? – непритворно рассердилась я. – Вы хоть иногда думаете, что говорите?

Ираида до того удивилась, что чуть не въехала в идущую впереди «газель», чертыхнулась, свернула в первый попавшийся карман и остановилась. Я подумала, что сейчас она меня высадит, да и черт с ней, надоело терпеть ее бесконечное хамство, но она неожиданно спросила вполне человеческим голосом, что у меня случилось. И я ответила, что не могу дозвониться маме и волнуюсь.

– Звони соседям, может, они в курсе!

Однако одни соседи по площадке в отпуске, а другие недавно только купили квартиру, мы с ними толком и познакомиться не успели. Да еще маме эта пара отчего-то не понравилась, так что вряд ли она к ним обратится за помощью. Однако я решила позвонить тете Оле, в надежде, что она что-то знает.

Трубку схватили сразу же, и голос у тети Оли был радост-

ный и оживленный.

– Да, Герочка, нас разъединили, мы не успели договорить!

Когда ситуация разъяснилась, из голоса тети Оли мигом пропали радостные интонации. Она довольно сухо ответила, что с мамой они уже несколько дней не созванивались и что она понятия не имеет, куда она подевалась.

Ираида, увидев мое лицо, сказала, что отвезет меня домой, потому что работы с меня в таком состоянии как с козла молока, а с начальником она сама все уладит.

Надо же, оказывается, она может быть нормальным человеком, когда захочет!

Мы долго ехали из-за пробок, я все время пробовала звонить маме и домой, но никто не отвечал. Я до того разволновалась, что даже забыла толком поблагодарить Ираиду Павловну, выскочила из машины и помчалась вверх, не дожидаясь лифта.

Дверь в квартиру была широко открыта, и сердце мое тотчас ухнуло вниз. Ограбили или маме стало плохо и ее увезли на скорой...

Очень осторожно я приоткрыла дверь и увидела маму, сидящую в прихожей на пуфике. Она подняла глаза и посмотрела на меня странно, как будто не веря.

– Марьяшка, это ты?

И я даже не стала ставить ей на вид за «Марьяшку». Дело в том, что я терпеть не могу мое имя Марианна. Это папочка удружил, и больше ничего я от него не получила. А

теперь всю жизнь страдать должна, потому что вспоминаю этих ужасных сестер из старого фильма и их мамашу.

Представляюсь я Мариной, и на работе, и все знакомые знают, что Марианной лучше меня не называть. Вроде бы и с мамой мы договорились... ну ладно.

– Что случилось? – задала я традиционный вопрос.

Мама невнятно забормотала что-то про аварию, про такси и про больницу.

– Ты была в больнице? – испугалась я. – А отчего тебя так быстро выписали? Неужели ты самовольно ушла? Мама, это может быть очень серьезно! И что у тебя с телефоном, звоню-звоню, а он...

Мама по-прежнему смотрела как-то странно, потом зачем-то потрогала меня, отстранилась, снова провела рукой по лицу, повернула и оглядела сзади.

Уверившись, что вид у меня совершенно обычный – ну, если не считать того, что джинсы и рубашка здорово грязные после того, как мы с Ираидой Павловной повалились на даче купца Семирылова, то есть как его там на самом деле...

Так вот, убедившись, что со мной все в порядке, мама шумно втянула носом воздух, закрыла входную дверь и повернулась ко мне с грозным видом.

– Где ты была? – спросила она вроде бы спокойным голосом, но я-то отлично знаю свою маму, так что сразу поняла, что она находится в крайней степени ярости. И разговаривать с ней можно только спокойным голосом. А лучше

вообще не разговаривать, а просто пожать плечами и уйти в свою комнату.

Но в данном случае такая тактика неприемлема, да и вообще, мне как-то расхотелось помалкивать. Тут явно что-то случилось, и на душе у меня было беспокойно.

– Как где? – я сделала вид, что удивилась. – На работе, где же еще, я вообще-то работаю...

– Почему ты не отвечала по телефону? – взвизгнула мама. – Я звонила тебе раз десять, и ты не брала трубку!

– Потому что я находилась вне зоны действия сети. Мы выезжали за город, в отдаленное место. Ты прекрасно знаешь, что я не сижу в офисе, ты ведь сама устроила меня на эту работу.

Это верно, когда я поняла, что больше никогда-никогда не смогу переступить порог школы, мама, по ее собственному выражению, села на телефон и очень скоро нашла мне работу. Через своего бывшего одноклассника, как оказалось, он с нашим шефом соседствует на даче.

Мама по-прежнему смотрела на меня странным взглядом.

– Ты можешь объяснить, что же случилось? – тут я заметила в прихожей некоторый беспорядок и грязные следы на коврикe возле двери. Следы были явно мужские.

– Случилось? Случилось, что мне позвонили и сказали, что ты попала в аварию, что такси врезалось в столб! – закричала мама.

– Такси? Какое такси? Ты прекрасно знаешь, что я не езжу

на такси, я столько не зарабатываю!

Но мама меня не слушала, она продолжала рассказывать про то, как поехала в больницу, как искала там меня, как ей хамили, а потом отправили в морг, и только в морге нашелся нормальный человек, который дал ей понюхать что-то отвратительно пахнувшее, а потом посадил в труповозку, которая, к счастью, была без содержимого, а только ехала за очередным покойником.

– Мам, ну тебя просто разыграли, я жива-здоровая... – Я под села к ней на пуфик.

– Если бы ты отвечала на звонки... – начала мама.

– Да я потом звонила тебе сто раз, а у тебя телефон, как назло, разрядился!

– А ты что, думаешь, что в таком состоянии я могла вспомнить про зарядку?

– Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается. А это что? – я показала на следы. – Тебя внесли домой санитары из морга?

Мама быстро отвернулась, но я-то прекрасно знаю свою мать, так что сумела прочесть все, глядя ей в затылок.

– Нас ограбили? – спросила я. – Вскрыли квартиру и обнесли ее? Да отвечай же ты толком!

Под моим давлением мама призналась, что, придя домой, нашла дверь квартиры открытой. И не очень удивилась, потому что сообразила уже, что ее нарочно выманили из дома звонком о фальшивой аварии. А по-настоящему удиви-

лась она, когда проверила кое-какие деньги и золотые вещи, а также свою шубу и нашла их нетронутыми, а больше у нас и красть нечего.

Тут меня как обухом по голове стукнуло – лампа! Вот не спрашивайте, почему я о ней подумала, просто вдруг как-то стало мне тревожно, и я бросилась в свою комнату. И сунулась под диван, и, разумеется, не нашла там никакого свертка из старых газет.

Не веря своим глазам, я одним рывком отодвинула диван на середину комнаты и не нашла под ним даже пыли. Хотя в комнате был ужасный беспорядок – одежда вывалена из шкафа, ящики стола выдвинуты, постель скомкана.

Внезапно я осознала, что сижу на диване, пытаюсь унять сердце, которое буквально выскакивало из груди. Руки тряслись, зубы стучали... где-то в голове всплыла разумная мысль, что это у меня такая реакция на стресс.

Что характерно, не было ни кашля, ни насморка, только слезы текли из глаз не переставая.

– Что с тобой? – мама стояла в дверях.

– Украли... унесли лампу...

Вот вы не поверите, но если бы мама удержалась и не издала странного звука «пфф!», я бы ничего не поняла, поверила бы, что воры унесли лампу, потом пришла бы в себя и жила спокойно дальше.

Что меня заставило вскинуть голову и посмотреть на маму, до сих пор не могу понять. Но когда я посмотрела, как

она облизывает губы и отводит глаза, я все поняла.

– Это ты? – Я вскочила с дивана и подбежала к ней. – Это ты ее выбросила?

– Да что такое... – заговорила мама таким фальшивым голосом, что даже пятилетний ребенок понял бы, что она врет. – Ну что с тобой, успокойся, Мариночка...

Вот, вот это самое оказалось последней каплей. Как я ни боролась с мамой с самого детства, она никогда не звала меня Мариной. А только Марьяшей, говоря, что раз уж дано человеку имя, то нужно его с честью носить до конца, а не менять. Сначала захочешь одно, потом другое, а документы? Ты же все-таки не колхоз, чтобы тебя десять раз переименовывали.

Она меня не убедила, но сейчас я сразу поняла все.

– Ты ее выбросила? – спросила я зловеще.

Вот вы не поверите, но в первый раз в жизни мне захотелось схватить свою мать за плечи и трясти ее как тряпичную куклу, пока не признается во всем.

Впрочем, она и не думала ничего скрывать.

– Да! – сказала она. – Да, я ее выбросила! Но это должна была сделать ты! Ты сама! Все в этом доме держится только на мне! Я готовлю, я убираю, я слежу за счетами и за твоей одеждой, все я!

– Когда? – перебила я ее.

– А? – Мама остановилась посреди своей пламенной речи. – А, еще утром... Куда ты?

Я вылетела из подъезда в расстроенных чувствах.

Я никак не хотела понимать, что на маму не за что сердиться – я ведь сама обещала ей выкинуть лампу, и она понятия не имела, что эта лампа мне дорога... Да если бы я сказала, что мне нужна эта лампа, мама все равно бы не поверила.

А лампа мне действительно была очень дорога. Насколько дорога – я поняла только сейчас, когда лишилась ее.

А почему, собственно, я так расстроилась? Неужели я действительно верю, что эта лампа помогает мне заглядывать в будущее и предотвращать грядущие несчастья?

Но ведь это на самом деле так! Уже два раза лампа помогла мне! Благодаря ей мы с мамой не сели в автобус, который попал в страшную аварию, а потом благодаря этой же лампе мне удалось спасти Ираиду Павловну...

Как бы я ни относилась к Бастинде, но совершенно не желала ей увечья и уж тем более смерти! К тому же после происшествия в старом доме купца Синерылова Бастинда явно стала проявлять человеческие качества.

С другой стороны, такого просто не бывает! Не может старая, потерявшая лампу позволять заглядывать в будущее. Наверняка в обоих этих случаях сработала моя интуиция...

Да, но только прежде эта самая интуиция никак не проявлялась, а тут, с появлением лампы, – сразу два раза за несколько дней... это явно не совпадение!

В общем, как бы то ни было, если заветная лампа пропадет, я буду очень горевать и переживать, как будто потеряла что-то очень нужное и ценное.

С этими мыслями я подошла к помойке.

Помойка при нашем доме представляет собой небольшой аккуратный домик под железной крышей. Домик этот закрывается на кодовый замок, код от которого знают все жильцы нашего дома, а также дворники и прочие сотрудники коммунальных служб.

И наверняка не только они.

Я уверилась в этом, когда увидела, как в этот домик, воровато оглядываясь по сторонам, заходит колоритный бомж со свернутым на сторону сизым носом, в меховой шапке и сильно потертой женской шубе из черного искусственного меха, надетой поверх классической матросской тельняшки.

Как шуба, так и шапка явно не подходили к теплой летней погоде, но бомжа это ничуть не напрягало. Видимо, он придерживался древнего принципа «все свое ношу с собой», который он развил до степени «все свое ношу на себе».

Бомж вошел в домик.

Я устремилась за ним, опасаясь, что он покусится на мою заветную лампу...

И оказалась права: бомж уже держал эту лампу в руках и удовлетворенно ее осматривал. Одно хорошо: мусор еще не успели увезти, и мне теперь не нужно рыться в картофельных очистках, пакетах из-под молока и в более противных

вещах.

Я кинулась на бомжа коршуном и заорала:

– А ну отдай! Отдай сейчас же!

– С какого это перепуга? – прохрипел он, отступая и пряча лампу за спиной. – Эта помойка исключительно моя по договору! Все, что здесь лежит, мое!

– По какому еще договору? – переспросила я.

– Известно, по какому! По договору от двадцатого числа прошлого месяца авторитетные бомжи этого района поделили между собой все здешние помойки. И эта досталась Пантюхе!

Он приосанился и добавил:

– Вместе с секретным кодом от этого замка!

– Пантюхе? А ты тогда при чем?

– При том, что Пантюха – это я и есть! Кликуха у меня такая, или погоняло! Под этим именем я широко известен в узких, как говорится, кругах. Кого хочешь, спроси – любой тебе скажет, что Пантюха – авторитетный бомж...

– Но эта лампа моя! Моя собственная! Ее моя мама выкинула по ошибке!

– Ничего не знаю! Чья потеря – моя находка! Скажи своей мамаше, чтобы в следующий раз смотрела, что выкидывает...

С этими словами бомж начал бочком продвигаться к выходу из домика.

Тогда я попробовала сменить тактику.

– Ну ты сам подумай, зачем тебе это старье? Она уже ни на что не годится! Мятая, грязная, закопченная...

– Очень даже годится! Это цветной металл, а цветной металл денег стоит! Степаныч из четвертого ангара за цветной металл хорошие деньги дает!

– Денег? Так я тебе заплачу!

– А вот это уже другой разговор! – Бомж оживился. – Если заплатишь – можешь ее забирать. На законном, так сказать, основании. Только имей в виду, меня на мякине не проведешь. Я стреляный воробей, настоящую цену знаю и внимательно слежу за текущим уровнем цен на цветные металлы...

Я пошарила по карманам и с ужасом поняла, что в спешке не взяла с собой никаких денег. Какие деньги, когда вон в шлепанцах домашних выбежала за лампой этой...

– Ох, кошелек дома забыла... – проговорила я горестно. – Отдай мне лампу, а я деньги через пять минут принесу!

– О как! – Бомж даже крикнул от возмущения. – Ты меня что – за лоха последнего держишь? Принесет она, как же! Мне тут до Нового года ждать придется!

– Ну неужели ты совсем не веришь людям?

– Жизнь меня научила, что людям можно верить, только если уже нет другого выхода. Вот когда принесешь деньги – тогда, может, и поговорим. И то не обязательно. А то ишь какая умная нашлась! Верить людям! Надо же такое придумать! Когда я в последний раз поверил человеку, мне вот это украшение досталось! – И он ткнул указательным пальцем

в свой свернутый на сторону нос. – Небось сама хочешь эту лампу Степанычу продать... знаю я таких, как ты...

Он уже переместился к самой двери.

Еще несколько секунд – и выскочит с помойки вместе с лампой, а там – поминай как звали... С виду не старый еще, небось бегать может, жизнь научила.

Раздумывать было некогда.

И тут я увидела валяющийся возле бака с мусором детский складной стульчик.

Я мгновенно подхватила этот стульчик и с размаху ударила им бомжа, куда пришлось.

Пришлось в его многострадальный нос, и без того свернутый на сторону.

Удар пришелся с другой стороны, так что нос вернулся в исходное положение. Из него брызнула кровь, бомж ахнул, схватился за нос, при этом выронив лампу...

Я тут же подхватила эту лампу и метнулась прочь, пока бомж не опомнился и не собрался мстить.

В голове у меня при этом крутились строчки, засевшие в памяти то ли с пятого, то ли с шестого класса:

«Сыр выпал, с ним была плутовка такова».

Сама не ожидала от себя такой быстроты и решительности...

Я вбежала в подъезд, пока бомж не пришел в себя, поднялась на свой этаж и остановилась перед дверью.

Тут я задумалась.

Что-то говорило мне, что лампу нельзя оставлять в квартире. Там она может пропасть...

Нужно ее где-то спрятать – но где?

– Что ты стоишь на лестнице? – это мама распахнула дверь квартиры. – Что ты вообще устраиваешь?

Тут она заметила в моих руках лампу и покачала головой. А потом сменила тон:

– Ну, вот видишь, все благополучно устроилось, и незачем было так орать на родную мать. Можно подумать, что у тебя их много, что ты так относишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.